

СМЫСЛ МУЗЫКИ

Человек контактирует с внешним миром по нескольким информационным каналам, в число которых входят тактильный, вкусовой, обонятельный, акустический и зрительный. Наиболее человечный из всех них - акустический. Звук – наша естественная информационная среда. Вкус, обоняние, осязание – ниже человека, хотя они и дороги нам как связь с нашими братьями меньшими – существами природного мира. Отдаваясь во власть этих ощущений, мы возвращаемся на какое-то время в утерянный рай нашего природного существования. Что касается зрительного канала, то он, намного превосходя слуховой канал по своей потенциальной информативности, и играя решающую роль в плане приспособления в окружающей среде и, следовательно, «выживаемости», для познания смысла нам как бы "не по плечу". Книга, этот главный в наше время источник знания, не опровергает этого тезиса: читая глазами, воспринимаем мы её всё же внутренним слухом. В информационном плане зрительный канал, по-видимому, среда обитания богов: не случайно для обозначения прикосновения к их миру мы пользуемся такими метафорами как прозрение, озарение, посвящённый («просветлённый»), святой («светящийся, светлый») и др. И не случайно этот божественный свет – при попытках подглядеть его в щёлочку мистицизма – ослепляет нас. Однако зрительный канал, именно в силу его чрезвычайной привычности как основного средства ориентирования в этом мире, способен ввести нас в соблазн: зрительные образы настолько реалистичны, что человеку практически невозможно отстраниться от навязываемых ему чувственных ассоциаций (особенно опасен кинематограф - «движущиеся картинки», создающие параллельную реальность). Отсюда запрет на изображение божества в некоторых религиях: в изображении сверхчувственного всегда есть опасность вульгаризации, соскальзывания к слишком земному, слишком человеческому пониманию. Изобразительное искусство становится настоящим искусством лишь в том случае, когда тон в нём задаёт элемент условности, некой нарочитой „непохожести“. При этом приходится с большими усилиями добиваться того, что в звуке дано нам непосредственно – отстранённости материального носителя от содержащегося в нём смысла.

К счастью, боги не оставили нас в нашем сиротстве совсем уж одинокими, не отрезали нас полностью от своего мира: они дали нам музыку. Это действительно подарок небес: в природе ничего подобного музыке нет. Мы находим в природе такое богатство красок, линий, форм, передать всю полноту которых не в силах ни один художник. Природа наполнена такими упоительнейшими ароматами, каких не в силах воссоздать ни один парфюмер. Природа даёт нам возможность воспринять такое разнообразие тактильных ощущений, каких не в силах предложить нам ни один текстильщик. Всё это и ещё многое другое есть в природе. Единственное, чего в ней нет, так это упорядоченных звуков. Разве что пение птиц, которое, впрочем, в конечном счёте тоже довольно примитивно. Практически же все природные звуки имеют характер шумов. Только через человека вошла в мир божественная гармония звуков. Информационная ёмкость акустического канала имеет тысячекратный запас в отношении передачи речевой (а следовательно и смысловой) информации. И эта избыточность не случайна, поскольку главное назначение акустического канала даже не речь, а музыка. В речи звук используется в общем-то утилитарно, он ценен не сам по себе, а как средство передачи мыслей на расстояние от субъекта к субъекту: это как бы чисто служебная «несущая частота», модулируемая смыслом. В музыке же существенна сама природа звука, сами упорядоченные вибрации материи, здесь звук является не переносчиком смысла, а самим смыслом. Понять суть музыки помогает восходящая к средневековой схоластике схема искусства:

изобразительное искусство - мир чувственного восприятия (in re - в мире вещей). словесность - область интеллекта (post rem - после мира вещей, отображение в понятиях), музыка - вестник из мира иного (ante rem - до мира вещей). В музыке звучат не наши мысли, в ней звучит сам мир, точнее, заключённый в нём божественный смысл: «Музыка это жалоба идеального, находящегося в плену у материального» – так красиво и так точно выразил сущность музыки Гегель. В музыке говорим не мы, в ней с нами говорит сама душа мира. «Вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств: те говорят только о тени, музыка же о существе» – это сказал уже не Гегель, а его противник Шопенгауэр. Всякая настоящая (божественная, «аполлоновская») музыка это вовсе не «средство выживания» - как внушают нам отсталые дарвинисты, а совершенно бесполезный с точки зрения выживания реквием - плач по преходящему, вечно уходящему бытию. И в этом философский (если не сказать — религиозный) смысл музыки.